

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

Предисловие автора

Статья, предлагаемая вашему вниманию, написана 32 года назад, в 1972 году; это была одна из моих первых статей. Опубликовать её тогда не удалось из-за цензурных соображений, которые сейчас мало кому понятны. К сожалению, обстоятельства так сложились, что у меня не было возможности вернуться к этой теме и провести необходимые исследования.

Недавно студенты Национального университета “Киево-Могилянская академия”, где я преподаю, пригласили меня выступить с лекцией на семинаре “Наука при кофе”. Это общеуниверситетский семинар, на который выносятся не узкоспециальные темы, а представляющие интерес для специалистов разных наук. И тут я вспомнил про свою работу над темой любви и нашёл эту статью. Семинар вызвал большой интерес (я выступал вместе с Н.Томенко, рассказавшим о своей теории украинской любви) и показал, что высказанная мною гипотеза является хорошим поводом для дискуссий. Поэтому я и предлагаю её читателю. Конечно, через треть века смотришь на статью по-иному. Многие хотелось бы изменить, но на радикальные изменения нет времени, а косметические — не помогут. Поэтому статья печатается в таком же виде, в каком написана, без изменений. Главное, что моё мнение об основной идее статьи не изменилось, высказанная гипотеза имеет, как мне кажется и сейчас, полное право на существование.

ВЛАДИМИР ПАНИОТТО,

доктор философских наук, профессор Национального университета “Киево-Могилянская академия”, генеральный директор Киевского международного института социологии

Гипотеза о социальных механизмах возникновения моногамной половой любви

Abstract

The author considers that the monogamous marriage dominant in the majority of modern countries is supported due to social but not biological factors (the primates, predecessors of humans, were not monogamous). The main idea is to show that love is a social and psychological mechanism developed for protection and support of monogamy; it makes the norms regulating monogamous behavior more efficient.

Данная статья посвящена вопросу, связанному с темой, которой в нашей научной литературе уделяется очень мало внимания. Вызывает удивление несоответствие между числом работ, посвященных изучению любви, и той ролью, которую любовь играет в жизни человека. Не нужно быть специалистом по контент-анализу, чтобы убедиться, что в художественной литературе любви уделяется неизмеримо больше внимания, чем в научной (место, занимаемое любовью в художественной литературе, может служить эмпирическим референтом места, занимаемого ею в жизни)¹. Это тем более обидно, что в советской науке в 1920–1930-х годах сложились определенные социологические и этические традиции, сформированные работами В.Ленина, Н.Крупской, А.Коллонтай, А.Луначарского, П.Лепешинского, С.Смидовича, Е.Ярославского [см.: 1]. А ведь без изучения любви невозможно решить целый ряд теоретических и практических вопросов (к ним относятся проблемы развода, рождаемости, прогнозирования структуры семьи и т.п.). В конце концов, без изучения любви нельзя ставить вопрос об изучении человека как рода, нельзя говорить о самопознании человечества. “Отношение мужчины к женщине, — писал К.Маркс, — есть *естественнейшее* отношение человека к человеку. Поэтому в нём обнаруживается, в какой мере естественное поведение человека стало *человеческим* ... в какой мере *человек* стал для себя *родовым существом*, стал для себя *человеком*...” [2].

Не больше внимания уделяется исследованию любви и в других странах. “Проблема любви, — пишет известный американский социолог У.Гуд, — обычно игнорируется у нас всеми более или менее серьезными аналитиками семьи, и в последние годы она широко рассматривалась преимущественно как странная характерная особенность, присущая главным образом американскому обществу” [3].

Взгляды на любовь², которые частично выражены явно, частично подразумеваются в немногочисленных работах, опубликованных у нас в последние годы, сводятся, по-видимому, к следующему.

*Любовь — это очеловеченный половой инстинкт, возникший как совершенствование человеческой чувственности, повышение избирательности в отношении к сексуальным объектам, увеличение духовности, глубины и яркости чувства. Возникла она приблизительно в Средние века и отличается не только от грубого натурализма первобытных людей, но и от эротизма древнего мира. “Чувственность видит в другом человеке преимущественно объект собственного удовлетворения. Между тем половая любовь в современном ее понимании предполагает не только индивидуальность, неповторимость **собственного** чувства, но и ответный отклик **другого**” [4]. “Глубина и удовлетворительность отношений для обеих сторон зависят и от сходства духовных интересов, и от психологической совместимости, и от готовности идти навстречу друг другу и проявлять инициативу” [5].*

Среди множества людей, с которыми контактирует человек, находится тот, кто больше других подходит ему, больше всего соответствует его нравственно-эстетическому идеалу, он-то и становится объектом любви. “Мно-

1 Разумеется, лишь в первом приближении, для самых грубых оценок.

2 Здесь и далее под любовью понимается индивидуальная моногамная половая любовь.

гие любящие счастливы, что нашли друг друга” [5, с. 144]. Любовь по своей природе является чувством исключительным, влечением к определенному конкретному единственному человеку. “С непонятной — и естественной — загадочностью любовь как бы запирает на замок какие-то — тоже естественные для человека — порывы, и все его влечения, как луч, направляются на одного человека. И такая направленность живет не только в сознании человека, а и в мире его чувств, его стихийных порывов” [6]. Как показывают социологические исследования, подавляющее большинство респондентов называет любовь необходимым условием брака и указывает ее в качестве основного мотива при вступлении в брак [7].

Что такое любовь, чем вызвана ее “загадочная” исключительность? Пытаясь разобраться в этом, мы убедимся, что представления о любви, изложенные выше, требуют серьезного уточнения.

Исключительность любви может быть обусловлена, во-первых, биологическими, во-вторых, социальными факторами. Действительно, существуют биологические виды, у которых сексуальные отношения моногамны (например, американские кукушки, многие певчие птицы, морские птицы, императорские пингвины, волки и т.п.) [8]. Любовь, которая возникла путем очеловечивания моногамных сексуальных отношений, была бы “биологически” исключительна, единственность объекта любви обеспечивалась бы с помощью физиологических, эндокринных механизмов, с помощью гормонального регулирования. Однако данные биологии и антропологии показывают, что у всех существующих высших обезьян либо полигамия, либо промискуитет, а у крупных человекообразных обезьян миоцена, которые были предками предлюдей, была гаремная семья, полигамия (некоторые исследователи считают, что промискуитет; во всяком случае известно, что семья не была моногамной) [8; 9].

С объединением гаремных семей в стадо возникает противоречие, антагонизм гаремной семьи и стада, который решается двумя путями: увеличение размеров и физической силы представителей вида, что позволило отдельным гаремным семьям отделиться от стада (тупиковая ветвь), и растворение гаремной семьи в стаде, что и привело к возникновению первобытного человеческого стада с промискуитетными половыми отношениями [9]. Далее человеческое общество прошло через различные формы группового брака и только с установлением рабовладельческого строя возникает моногамия. Более того, даже в наше время существуют социальные общности, практикующие полигамные сексуальные отношения.

Все это доказывает, что *исключительность любви не обусловлена биологическими факторами*. Отсюда следует, что она обусловлена социальными факторами. Какими же именно?

Согласно прежнему, традиционному понятию сексуальности, между половым влечением и браком как общественным институтом существует причинно-следственная связь, а именно: сексуальность является существенной и биологически заранее данной причиной возникновения и соответствующего конкретного оформления брака. С этой точки зрения брак возникает на основе сексуальности с целью регулировать сексуальные отношения и способ поведения в обществе, то есть первоначальная цель института брака состоит в регулировании отношений между полами. В противоположность этому Энгельс показал [12], что хотя брак и семья возникают на

основе сексуальности и главным образом в связи с биологически необходимым длительным периодом ухода за потомством, но в первую очередь являются *производственным сообществом*, социальной группой, главная цель которой — кооперированное воспроизводство и производство жизни (своей собственной и жизни детей). Длительный период детства человека, продолжительная зависимость ребенка от родителей, связанная с этим необходимость добывать путем совместного труда средства существования для семьи или рода — все это способствует стабилизации социальной группы и приводит к возникновению внутри нее новых межчеловеческих связей и обязанностей. Эти связи и обязанности влияют, в свою очередь, на собственно сексуальные отношения брачных партнеров, то есть указанные внешне-сексуальные (в конечном счете — экономические) факторы стимулируют регулирование сексуальных отношений. Итак, *функция брака как регулятора сексуального поведения является вторичной, она возникает как необходимость гарантировать экономическое состояние данной социальной группы* [11]. Для дальнейших рассуждений требуется предварительно рассмотреть вопрос о времени возникновения индивидуальной половой любви.

Существует мнение, восходящее еще к Гегелю, что индивидуальная половая любовь возникла не ранее, чем в Средние века, что эрос древних греков не предполагал ни духовности, ни взаимности чувства. Странник этой точки зрения И. Кон признает, что “яркое и высокоиндивидуализированное чувство возможно и на сравнительно низкой ступени общественного развития” [4, с. 244], но тут же добавляет, что “такие случаи не более, чем исключение из общего правила” [4, с. 244]. Можно согласиться с тем, что литература древнего мира и археология дают примеры и любви и эроса, весь вопрос в том, что правило, что исключение. Но очень уж не похожи случаи любви на исключения, слишком уж часто герои мифов, трагедий и эпиграмм проявляют чувства, которые могут служить образцом истинной любви и в наше время. Можно назвать Пенелопу, много лет ждавшую возвращения Одиссея, Орфея, который и после смерти любимой Эвридики оставался верен ей, не обращал внимания на женщин, за что был растерзан вакханками. А вот, например, строчки из раскрытой почти наугад книги “Греческая эпиграмма”:

“...Если ж нельзя нам сойтись,
То меч нам обоим поможет:
Сладко нам пребывать
В жизни и в смерти вдвоем” [12].

И не только в Греции существовала любовь; например, в знаменитой “Рамаяне”, которой сейчас две с половиной тысячи лет, это чувство духовно и индивидуально. А в “Ветке персика” содержится изречение, уходящее корнями в древность: “Влечение тел порождает желание, влечение умов порождает уважение, влечение душ порождает дружбу, соединение трех влечений есть любовь”. По-видимому, прав Ю. Рюриков, что “вряд ли, конечно, верно, что в древности не было настоящей любви. О любви то и дело говорится уже в самых древних мифах Греции, а в классическую эпоху, почти двадцать пять веков назад, появилась даже теория духовной любви — Сократа, Платона и Аристотеля” [6, с. 22].

В свите богини любви Афродиты одним из семи богов — покровителей любви был бог *ответной* любви (Антэрот). “И раз были боги любви и даже

теории любви, то откуда же они брались, если не из любви?» [6, с. 22]. У греков было даже специальное слово для обозначения бескорыстной любви (Αὔλη), любви, главный интерес которой сосредоточен на благополучии объекта любви (в отличие от эроса, когда объект любят из-за его полезности для любящего) [13]. Можно привести еще много примеров существования любви и доказательств того, что она существовала в древнем мире, но мы здесь лишь укажем путь к окончательному решению вопроса.

Следует отличать общественные идеалы и принципы от социальных норм. «Любой общественный идеал, а в какой-то мере и некоторые принципы общественной жизни, в большей степени, чем социальные нормы, опережают условия общественного бытия. В общественных идеалах и принципах (особенно, моральных) отражается не только сущность наличествующего бытия, но и стремление общества к дальнейшему его развитию и совершенствованию» [14]. Можно предположить, что, скажем, в Древней Греции *общественным идеалом была любовь, а не эрос, но социальные нормы содержали пережитки более ранних сексуальных отношений*. Конечно, в Средние века любовь несколько отличалась от любви древних, социальные нормы приблизились к общественному идеалу, но различие это не было столь существенным, чтобы утверждать, что в древнем мире не существовало любви. *Окончательным решением вопроса* было бы специальное исследование, сочетающее изучение археологических данных с контент-анализом литературы с *обязательным* сопоставлением результатов с данными о любви в Средние века и в наше время, полученными аналогичным способом.

Действительно, если исходить из точки зрения, с которой мы полемизируем, то в наш век любовь должна разительно отличаться от эроса древних. А вот что показывают данные конкретных социально-биологических исследований, проводившихся в нашей стране в течение 1920-х годов в различных городах и социальных средах (И.Гельман, Москва, 1922, студентки; Д.Ласс, Одесса, 1925, студенты; М.Барош, Москва, 1925, рабочие; Л.Бурко, Харьков, 1927, рабочие и др.) [5]. Мотивами вступления в первую половую связь для женщин были «любовь», «увлечение», «любопытство» (на долю каждого мотива приходилось от 20% до 40% ответов, не так уж и много); для мужчин — «*половая потребность*», «увлечение», «любопытство» (на долю мотива приходилось от 19% до 54%). Существенных различий между 1922 и 1925 годами в этом отношении обнаружить не удалось. А вот, например, данные опроса, проведенного в наши дни [5]: 91% мужчин и 81% женщин считали возможным вступить в добрачные отношения с любимым и 60% *мужчин* и 14% *женщин* считали возможным вступить в эти отношения также и со знакомым. Так ли уж разительно отличие сексуальных отношений в наше время от отношений в Древней Греции, чтобы утверждать, что греки не знали любви? Вопрос этот остается открытым, как уже говорилось, окончательное его решение может быть получено лишь в результате специальных исследований. Тем не менее, все сказанное позволяет нам предположить, что индивидуальная половая любовь существовала уже в древнем мире. То, что любви не существовало до рабовладельческого строя, является общепризнанным, следовательно, *индивидуальная половая любовь возникает при рабовладельческом строе, то есть как раз в то время, когда возникает моногамия*. И совпадение это не случайно.

В возникновении моногамии еще многое не ясно, однако можно утверждать, что оно детерминировано внешними, скорее всего экономическими потребностями [10]. Возникновение моногамии приводит к появлению определенных форм социального контроля над сексуальным поведением, к выработке норм, обеспечивающих устойчивость моногамной семьи. Поскольку человек произошел от биологического вида, который не был моногамен, нормы, регулирующие сексуальные отношения, должны были сводиться к обузданию полового инстинкта. Половой инстинкт связан с основными потребностями вида, он является одним из наиболее могучих инстинктов, поэтому нормы, направленные на обуздание этого инстинкта, должны быть очень эффективными, действенными. Нормами такого типа являются, например, нормы, запрещающие кровосмешение (запрет на кровосмешение тоже не является биологически обусловленным, на определенной стадии развития семьи браки с родственниками, сестрами, братьями и родителями, не только допускались, но даже были обязательными). Маловероятно, что нормы, обеспечивающие моногамию, были только правовыми, что правовые нормы не подкреплялись, не сопровождались моральными, социально-автономными¹ нормами. Моногамия не могла бы существовать, если бы моральные нормы противоречили правовым, следовательно, должны были существовать социально-автономные нормы, укрепляющие моногамию. Что же это за нормы?

Основная идея этой статьи заключается в том, что **индивидуальная половая любовь, возникшая вместе с возникновением моногамии, и является социально-автономной нормой, обеспечивающей защиту моногамии**. Следовательно, не потому моногамен брак, что любовь есть исключительное чувство, а наоборот, возникновение моногамии вызывает исключительность полового влечения, исключительность любви. В этом и состоит разгадка ее “загадочной” исключительности.

В процессе социализации у членов общества вырабатываются представления о том, что существует такое чувство “любовь”, что любовь это то-то и то-то, что на ее основе вступают в брак, что любовь всегда испытывают лишь к одному человеку, что брак может быть только с одним человеком и т.п. То, что такие понятия вырабатываются с самого раннего детства (“жил старик со старухой у самого синего моря...”, а не “жило два старика и пять старух...”), делает эту норму социально-автономной, внутренней и очень эффективной. По эффективности она приближается к нормам, запрещающим кровосмешение, одно представление о том, что можно вступать в интимные отношения с матерью, отцом, сестрой или братом, вызывает отвращение.

Молодому человеку, достигшему определенного возраста, может нравиться несколько лиц противоположного пола. Возникшие чувства он сравнивает со своими представлениями о любви, с эталоном, полученным в процессе социализации (“а если это любовь?”). Его поведение отнюдь не явля-

¹ К социально-автономным нормам относятся социальные нормы, содержащие общий принцип направленности поведения и выполняемые прежде всего в силу внутреннего социального побуждения личности, ее “доброй воли” (внутренний мотив поведения). К социально-гетерономным нормам относятся те нормы, требования которых строго регламентированы, а выполнение основано прежде всего на силе внешнего побуждения. См.: [14, с. 78].

ется независимым от его решения; если он решил, что его отношение к кому-либо из тех, кому он симпатизирует, есть любовь, поведение его резко меняется. Как писал Стендаль, “полюбив, самый разумный человек не видит больше ни одного предмета таким, каков он на самом деле. Женщина, большей частью заурядная, становится неузнаваемой и превращается в исключительное существо”. Разумеется, ни на кого другого молодой человек уже не обращает внимания, все его влечения направляются на одного человека¹. Понятно, что этот один человек — даже не обязательно тот, кто больше всех подходит влюбленному, а это один из тех, кто ему достаточно подходит (то есть это не лучший вариант, а достаточно хороший), все зависит от конкретных условий (скажем, ему нравится несколько больше одна девушка, чем другая, но первая встречается с кем-то, и он влюбляется во вторую). Впрочем, последние утверждения требуют социально-психологических исследований.

Подведем итоги. Удовлетворение биологических потребностей человека производится не прямо, а опосредованно, с помощью осуществляемого в обществе труда, путем общественного производства. Для координации действий людей, занятых кооперированным трудом, возникают социальные нормы, регулирующие все области человеческого поведения, прямо или косвенно связанные с производством. Одной из таких областей является сфера сексуальности, которая, как показал Энгельс, регулируется внесексуальными нормами, а именно — нормами экономического, общественного и политического происхождения. Поскольку человек произошел от биологического вида, который не был моногамным, единобрачие не регулировалось физиологическими механизмами.

Поэтому возникновение моногамии (а возникла она в силу экономических причин) привело к появлению норм, направленных на обуздание полового инстинкта, одного из основных (а потому и самых могучих) инстинктов, обеспечивающих выживание вида. Такие нормы должны быть очень эффективными, но и обязательно моральными, социально-автономными.

Их действие направлено на то, чтобы ограничить число партнеров одним партнером, следовательно, их функционирование должно сводиться к тому, что один человек *выделяется* из множества возможных партнеров, ставится в каком-то смысле “выше” остальных с тем, чтобы не возникло влечения к другим партнерам, чтобы остальные возможные партнеры выглядели гораздо менее привлекательными. Основная гипотеза статьи заключается в том, что такой *социально-автономной нормой, выработанной для защиты моногамии, является индивидуальная половая любовь*, которая, как считает автор, возникла вместе с возникновением моногамии. Эта гипотеза позволяет объяснить некоторые непонятные ранее факты (например, исключительность любви) и может быть положена в основу других гипотез, выдвигаемых при изучении любви. Изложенная гипотеза может быть использована также при прогнозировании структуры семьи. Исходя из сказанного, автор считает, что гипотеза заслуживает обсуждения и проверки. Если она подтвердится, то это будет, кроме всего прочего, еще одним удивительным

¹ Этот процесс несколько напоминает самовнушение.

свидетельством того, насколько сильно поведение человека детерминируется экономическими факторами.

1972 год

Литература

1. *Роговин В.З.* Проблемы семьи и бытовой морали в советской социологии 20-х годов // Социальные исследования. — Вып.4. — М., 1970.
2. *Маркс К., Энгельс Ф.* Из ранних произведений. — М., 1956. — С.587.
3. *Гуд У.* Социология семьи // Социология сегодня. — М., 1965.
4. *Кон И.С.* Секс, общество, культура // Иностранная литература. — 1970. — №1. — С.244.
5. *Голод И.С.* Любовь, нравственно-психологические и социальные основы взаимоотношений юношей и девушек // Духовное становление человека. — Л., 1972.
6. *Рюриков Ю.Б.* Три влечения. — М., 1968.
7. *Харчев А.Г.* Брак и семья в СССР. — М., 1964; *Харчев А.Г., Емельянова К.Л.* Брак: идеал и действительность // Социальные исследования. — Вып. 4. — М., 1970; *Фейнбург З.И.* К вопросу об этической мотивации брака. — Там же.
8. *Шовен Р.* Поведение животных. — М., 1972.
9. *Семенов Ю.П.* Как возникло человечество. — М., 1966.
10. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 21.
11. *Гибш Г., Форверг М.* Введение в марксистскую социальную психологию. — М., 1972.
12. *Павел Силенциарий.* “Долго ли будем с тобой...” // Греческая эпиграмма. — М., 1960. — С. 296.
13. *Шибутани Т.* Социальная психология. — М., 1969. — С. 283.
14. *Пеньков Е.М.* Социальные нормы — регуляторы поведения личности. — М., 1972.